

№ 26

Доклад коммуниста-мусульманина У. Бапишева
в Турккомиссию ВЦИК и СНК РСФСР

5 января 1920 г.

Товарищи, обращаюсь к вам с товарищеской просьбой, сущность которой можно понять из нижеприведенного доклада моего, написанного ранее и читанного на некоторых мусульманских собраниях. Вследствие этого прошу вас, товарищи, уделить моему делу известное внимание и дочитать настоящее заявление до конца.

ДОКЛАД

Товарищи, два с лишним года прошло с тех пор, как пролетариат свергнул иго кровавого Николая. Перед вами прошел целый ряд правительств: буржуазии, меньшевиков и с.р.¹ Наконец, полтора года тому назад пролетариат своими мозолистыми и железными руками закрепил власть за собой и встал у кормила правления. За все время революции я стоял в передовых рядах борцов и руководителей и за время закрепления и развития советской власти занимал ответственные посты и вел за собой широкие массы мусульман-рабочих. В последнее время в меня был брошен целый ряд гнусных и тяжких обвинений. Я как коммунист и честный революционер считаю своим гражданским долгом осветить свою деятельность на революционном поприще, дабы вы имели возможность вынести ваше высокоавторитетное мнение, начну с биографии.

Я — сын бедного киргиза Джаусугумской волости Ташкентского уезда, аула Алкакул². С двухлетнего возраста я потерял отца с матерью и меня взял к себе один из знакомых киргиз. В возрасте 9–10 лет я много слышал о жизни в городе и у меня созрел план бегства в город. При первом удобном случае я исполнил свое намерение и очутился в Ташкенте. Здесь я попал в руки богатого бая-мануфактуриста, который принял меня к себе конюхом. Работал я у него 3 года. Тут у меня явилось желание учиться по-русски, я попросил расчет. За эти 3 года непосильной для меня в то время работы мне уплатили, как я сейчас помню, 17 руб. Вот на эти-то 17 рублей я получил свое образование. Заведывающий русско-туземной школой, считая меня большим, не принял к себе, а направил на вечерние курсы (городские), на которых я имел возможность учиться только 6 дней, вернее 6 часов, так как урок в день продолжался не более и не менее, как 1 час. Дальше я своего образования продолжать не мог, ибо мои 17 рублей иссякли. Нужно было снова искать работу. Взял меня какой-то извозчик опять конюхом, поручив ухаживать, убирать и чистить 18 лошадей за 1 рубль 50 коп. в месяц. Прослужил я ему 3 года, причем в часы досуга учился мусульманской грамоте по старому очень трудному методу, хотя без учителей было трудно, но я тем не менее превозмог арабский букварь и научился бегло читать и писать. Под конец я попал на работу к некому персиянину Бабаеву³, имевшему лавку на [Ду]ховской⁴ улице. Это был человек сознательный с передовыми взглядами на жизнь. У него частенько собирались рабочие, главным образом из Среднеазиатских [железнодорожных] мастерских и вели разговоры на политические темы, касаясь подчас и социализма. Будучи любознательным мальчуганом, я живо воспринимал эти разговоры, а они со своей стороны охотно давали разъяснения на мои вопросы. Мало-помалу я вошел в их круг, рассказывал им тяжелую жизнь туземца-рабочего и указал им, как эксплуатируют киргизское население сантонинные заводчики, которое доставляет им цитварные семена (дерман). За пуд собранного цитварного семени киргизам платили 10–12 коп. По совету Бабаева я заручился полномочием от 11 волостей, населенных киргизами, и возбудил ходатайство перед соответствующей властью о предоставлении права продажи киргизами цитварного семени по вольной цене. Это ходатайство было уважено. Ввиду того, что кроме заводчиков Савинкова⁵, Никитина⁶ и Пфафа⁷, покупателей цитварного семени в Туркестане не имелось, я стал разыскивать этих покупателей и при содействии того же Бабаева это мне удалось. «Альберт Якоби и Зоргаген»⁸, «Репман и Руст»⁹ — две крупные фирмы — согласились закупать по два рубля пуд, причем даже заключили условие платить эту цену в течение 7 лет. Со стороны Савинкова и других заводчиков, которым некоторая свобода киргиз в смысле продажи цитварного семени была не по душе, возбуждено было ходатайство на так называемое Высочайшее имя. Это ходатайство уважено и киргизам пришлось подчиниться, попользовавшись свободной продажей не более двух лет. Киргизам и мне было объявлено, что весь район произрастания цитварных семян монопольно без срока сдается в аренду 1-й гильдии купцам Савинкову, Никитину и Пфаффу. Дальнейшие мои ходатайства оставались без последствий. Это было в 1906–1908 гг. Моя настойчивость не понравилась тогда властям, и мне грозил арест. Чиновник Гейер¹⁰, под-

держивая названные фирмы, ругал и осмеивал меня в своей черносотенной газете¹¹. Начались гонения не на шутку. Это обстоятельство заставило меня уехать из Туркестана на Кавказ. В г. Баку меня все-таки арестовали и судили в Окружном суде, где и приговорили к 2 годам тюремного заключения, с объявлением меня политически неблагонадежным. Апеллировал в Судебную палату, и Бабаев и Касимов взяли меня на поруки. Я выехал в Туркестан и жил в аулах, в степях, а потом в Джизаке Самаркандской области. Как политически неблагонадежный, я всюду подвергался гонениям со стороны полиции и жандармерии и вынужден был, бросив квартиру и все, бежать в Фергану, но и там меня никуда не принимали, как политического преступника, и немедленно гнали. Но вот объявляется мобилизация мусульман на тыловые работы в войну с Германией. Буржуазия стала за гроши посылать за себя работать бедноту. Эти несчастные, голодные, полуголодные мусульманские рабочие вынуждены были продать себя и принять всю тяжесть работ на себя. Нужно было видеть этих несчастных, отправляющихся на работу. Все это так повлияло на меня, что я решил ехать вместе с ними таким же рабочим, чтобы там на далекой холодной стороне им принести хоть чем-нибудь помощь. По прибытии на Западный фронт я стал очевидцем, как непривычные голые мусульмане гибли целыми массами от холода и болезней. Не задумываясь, я приступил к составлению прошения на имя Государственной думы, с указанием на неправильность этого Высочайшего повеления и на те отступления, которые были допущены при проведении этого повеления в жизнь Туркестанского края. Ссылаясь на то, что мобилизация при тех законах не отличает богатого от бедного, а ставит всех одинаково под ружье, в Туркестане правительство польстилось на миллионы буржуазии и предоставило ей право воспользоваться наемным трудом забитых судьбой несчастных бедняков. Таким образом, вся тяжесть мобилизации упала на этих бедняков. Это прошение было подано в начале февраля месяца 1917 г., но Государственная дума ввиду Февральской революции рассмотреть этого прошения не успела, а оно попало уже Временному правительству, которое и постановило всех принудительных рабочих отправить на родину.

С момента Февральской революции 1917 г.

По прибытии с фронта я направился в Каган (бухарские владения), где, по моим сведениям, находился тов. Полторацкий¹², который имел связь с рабочими организациями в центре и был в курсе дела рабочего движения. Моей задачей было осведомиться о политическом положении Туркестана и получить руководящие указания с тем, чтобы начать работу среди мусульманских масс. За этой организационной работой меня застала в Кагане Октябрьская революция.

С момента Октябрьской революции

Вскоре я получил из Андижана от тов. Таш-Ходжа Садулла Ходжаева¹³ приглашение приехать в Андижан для организации мусульман в смысле поддержки советской власти. Здесь я разработал проект создания местных советов рабочих-мусульман применительно к их своеобразной жизни. Этот проект был одобрен и впоследствии по нему были образованы советы по всему Туркестану. Это все, конечно, подтвердил бы Полторацкий, покойник, если бы был жив.

Организация мусовдепа старого города Андижана

После организации советов мусульман в уезде на 5 января 1918 г. в старом городе Андижана было созвано общее собрание рабочих-мусульман для организации старо-городского совета. Первое время со стороны местной буржуазии во всем ставились препятствия и работа тормозилась, но при дружной поддержке бедноты мне удалось провести в жизнь все декреты и распоряжения правительства. В этот период произошли кокандские события.

Кокандские события

Был создан временный Военно-революционный железнодорожный совет, в который я вошел, и по распоряжению этого совета вместе с тов. Корсаковым был командирован против автономного правительства. По дороге к нам присоединились 9 представителей от Скобелева с отрядом, с которыми мы и выехали по направлению к станции Серово. Не доезжая этой станции, нас встретила группа людей, представителей автономного правительства, которые предложили нам поехать на станцию Серово для переговоров. После краткого совещания между собой мы решили начать мирные переговоры, о чем немедленно сообщили в Скобелев и Андижан. Не доезжая немного к Серову, нам пришлось оставить свой эшелон, так как находящийся тут маленький железнодорожный мост был сожжен, и пойти пешком. Здесь ожидала толпа конных и пеших, которая нас окружила и объявила нам, что мы арестованы. Тут же нас посадили на арбы и повезли в

какой-то кишлак к командующему, предупредив нас, что там с нами разделаются. Прибыв туда, командующий нас принял и тут же стал писать донесение главному курбаши Иргашу с просьбой разрешить ему нас расстрелять. Узнав об этом, я сообщил командующему следующее: если Иргаш нас расстреляет, то пусть помнит, что я являюсь представителем киргиз, которые послали меня к Вам с ультимативным требованием прекратить братоубийственную войну. Посылая меня, они сказали, что если к 8 часам завтрашнего дня они не получат вестей о благополучии, то они, киргизы, в количестве 10 000 конных двинутся на нас и сметут с лица земли автономное буржуазное правительство. Обо всем этом было сообщено непосредственно Иргашу. Так как только я являлся представителем мусульман, Иргаш приказал меня освободить, а 10 человек русских препроводить в Коканд. На это я заявил, что один отсюда не уйду, а уйду или со всеми товарищами вместе, или вместе с ними умру. После долгих препирательств мы, наконец, были освобождены и под усиленным конвоем нас сопроводили до полпути от станции Серово до ст. Ванновская. Таким путем мне удалось спасти 11 человек советских представителей от позорного расстрела.

Передача власти автономному правительству

После нашего возвращения от Иргаша по инициативе лидера партии коммунистов-большевиков Ферганской области и председателя областного совдепа тов. Крутикова была созвана чрезвычайная конференция советов области¹⁴ для обсуждения текущего момента. На этом съезде представителями области был обсужден вопрос о передаче власти Кокандскому автономному правительству, где только мы одни, большевики, в том числе, я, один из мусульман, выступили против передачи власти, я настаивал власть оставить в руках рабочих в такой же форме, как она есть. Предложение наше не было поддержано и большинством голосов прошла резолюция о передаче всей полноты власти Кокандскому правительству, так как на этом съезде было большинство меньшевиков и правых эсеров. После этого постановления на съезд был приглашен председатель автономного правительства некто Кушбегиев, которому тут же было объявлено постановление съезда о передаче власти.

Подписка о признании автономного правительства

На меня возложили обязанность собрать среди населения подписку, кто признает автономное правительство, а кто — советскую власть. Ничего не оставалось делать, как подчиниться. Но с моей стороны велась все-таки агитация за советскую власть и идеи коммунизма. Будучи председателем мусовдепа, я вел сильную пропаганду против автономного правительства и встречал поддержку со стороны рабочих организаций. Рабочие верили своим избранникам, и вот почему Кокандское автономное правительство совершенно не получило поддержки со стороны Андижана, так и его уезда.

Недоразумения в Андижане между мусульманами и европейцами

Буржуазия в это время тоже не дремала. Она постаралась пустить провокацию среди мусульман с тем, что европейское население вооружается и со стороны крепости будет открыт огонь с тем, чтобы смести жителей старого города. Одновременно среди европейского населения пустили — мусульмане собираются вырезать всех европейцев. В результате этой провокации мог бы появиться новый фронт, как в Коканде. Когда на это мною было обращено внимание, положение сделалось уже угрожающим. Я как председатель должен был немедленно принять меры с тем, чтобы не допустить могущего произойти безобразия. С несколькими представителями рабочих я отправился в русский город. Тут было устроено собрание, на котором присутствовало все население, даже женщины и дети. Меня со слезами на глазах просили уладить дела, так как им известно, что мусульмане собираются их вырезать. В своей речи я указал им, что со стороны мусульман-рабочих против европейцев не имеется никаких намерений. Пока мусульманские рабочие, во главе которых стою я как их председатель, живы, они не допустят по отношению к вам никаких безобразий и обид. Таким образом удалось спасти положение. На этом собрании мне была вынесена благодарность, а комитет партии коммунистов-большевиков выдал мне удостоверение в том, что я являюсь единственным работником и пропагандистом среди мусульманских масс в смысле проведения идей коммунизма и советской власти. Это удостоверение в настоящее время находится в Чрезследкоме.

Арест 13 марта

Как я уже говорил, с моей стороны все время велась пропаганда против автономного правительства, а за сторонниками и инициаторами автономии, главным образом, интеллигенции и буржуазии, установлено было наблюдение и оказывалось всяческое противодействие. Это привело к тому, что я нажил себе большое количество врагов. Под предлогом, что я с тов. Сааковым вымогал миллионы денег у населения, меня арестовали 13 марта 1918 г. У власти в то время были

правые эсеры. Мусульманский совдеп после моего ареста был распущен. 3 мая того же года я был освобожден, ибо не было данных к моему обвинению.

Сбор пожертвований в пользу голодающих

После освобождения из-под ареста я был уполномочен по сбору пожертвований в пользу голодающих, где и был занят до 1 июля 1918 г. Сбор я производил один по всему уезду, причем без всякой охраны и ни единого раза не встретился с разбойниками. Собрал я тогда около 70 000 руб. и только что успел сдать деньги и отчетность, как прибыл из Ташкента тов. Джурабаев и Заболотников¹⁵, члены Центрального Исполнительного Комитета, уполномоченные по организации советов в Фергане. Из местного Андижанского совдепа я был командирован к ним на помощь, где и проработал с ними по организации до 3 июля 1918 г.

Организация советов в Фергане

7 июля состоялось общее собрание профессиональных союзов для избрания Андижанского совета мусульманских рабочих и дехкан, на котором я единогласно был избран председателем этого совдепа. Пробыв здесь три дня, я выехал в Ташкент на съезд председателей Советов республики. Съезд начался 14 июля, и здесь я был избран членом Военно-политического штаба Закаспийского фронта, куда вследствие предложения немедленно и выехал. На этом же съезде были избраны и другие члены Военно-политического штаба Закаспийского фронта, а именно: тов. Панасюк¹⁶, Феоктистов¹⁷, Бухаренко¹⁸ и Алесковский¹⁹.

Работа на фронт

Тов. Феоктистов остался в Чарджуе как председатель Чарджуйского совдепа, тов. Алесковский — в Мерве как председатель Мервского совдепа, тов. Панасюк как председатель Байрам-Алийского совдепа работал как в совдепе, так и в штабе, не имея почти ни одной свободной минуты, а тов. Бухаренко принял на себя всю хозяйственную часть. Таким образом, мне почти одному пришлось нести всю ответственную работу штаба. Как товарищ председателя я исполнял все текущие дела штаба и заведывал как юридической, так и политической частью штаба. Такая работа отнимала у меня все время, заставляя работать подчас и по ночам. Когда мы прибыли в Чарджуй, спустя несколько дней, военком Осипов дал без ведома штаба телеграмму на имя бухарского эмира. Эта телеграмма прилагается к докладу²⁰. Содержание ее вызвало переполох в бухарском правительстве, и в штаб прибыла комиссия с представителями Ново-Бухарского совдепа. Мне как представителю мусульман пришлось этот конфликт уладить.

Создание Чрезследкома и Военно-полевого суда

Прибыв в Мерв, мне пришлось обнаружить, что, благодаря слабости местного совета, там появилась масса кишмишовочников, которые отравляли население безнаказанно. По городу начались и безобразия и пьянство. И вот совместно с Мервским совдепом мне удалось ликвидировать эти безобразия, так что ни в городе, ни в уезде кишмишовки найти было нельзя. В это время в Мерве скопилось много арестованных. Пришлось организовать Чрезвычайную следственную комиссию и Военно-полевой суд. Мне было предложено занять место председателя этого суда. Имея и без того страшно много работы, я все-таки принял эту должность, работая через силу. Все эти обязанности я исполнял до 14 октября 1918 г.

Заготовка лошадей для фронта

Ввиду недостатка лошадей на фронте я был командирован по областям Туркестанской республики для приобретения лошадей. В течение одного месяца пришлось работать не покладая рук, и, благодаря этому, я доставил 750 лошадей. На фронт я прибыл 19 ноября 1918 г., сдал лошадей и отчетность, а сам тут же приступил к выполнению своих обязанностей в штабе. На пленарном заседании штаба фронта я был избран председателем Чрезвычайной следственной комиссии фронта, где и проработал до 8 декабря 1918 г. Кроме всего вышеупомянутого, мне пришлось вести и другую работу.

Киргизские беженцы

В Чарджуе собралось около 600 беженцев-киргиз. Мною было возбуждено ходатайство перед штабом фронта о том, чтобы зачислить их как беженцев на казенное довольствие. Штаб фронта в своем пленарном заседании, выслушав мой доклад, постановил неспособных к работе киргиз зачислить немедленно на общее довольствие за счет штаба, а работоспособных пригласить на казенные работы за плату. Таким образом, беженцы-киргизы были устроены.

Организация мусульманской Красной армии

Далее по инициативе того же штаба я был избран уполномоченным по организации мусульманской Красной армии. Получив соответствующий мандат, я выехал в Ташкент и явился в ТурЦИК и Военный комиссариат. Мандат мой был утвержден без всякой задержки, организация армии была разрешена, но постановлено условие, что обмундирование комиссариат выдать не может ввиду его недостатка. Вместе с тем мне было предложено самому заготовить это обмундирование хозяйственным путем, для чего и отпустили аванс. В Ура-Тюбе я приобрел на 300 000 руб. сукна местного производства, 1326 пар сапог, для летнего обмундирования китайской маты и на 40 000 руб. продовольствия и хозяйственных принадлежностей. Была также организована своя мастерская для шитья этого обмундирования. После поездки Осипова и покойника тов. Фигельского мне пришлось по делам организации быть в Фергане.

Белогвардейское движение в Андижане

Побывав в Коканде, я выехал в Андижан и там обнаружил полное белогвардейское (восстание) движение. Мне удалось собрать несколько документов и, в том числе, прошение 267 человек партийных мусульманских рабочих. Обо всем этом я сделал письменный доклад ТурЦИКу, Военному совету, Совету народных комиссаров и командующему войсками Закаспийского фронта товарищу Иванову²¹. Как раз перед январскими событиями мой доклад обсуждался в Ташкенте и было постановлено немедленно арестовать контрреволюционеров в числе 12–14 человек. Вероятно, в связи с этим Осипов встал против моей организации и дело дошло до скандала. Я обратился к тов. Панасюку как председателю штаба фронта за содействием, и он специально для этого съездил к Осипову для улаживания этого конфликта.

Январские события 1919 г. в гор. Ташкенте

Во время январских событий 1919 г. я был в железнодорожных мастерских и избран членом Военно-революционного совета Железнодорожного района. Здесь я сначала был назначен для связи с 4-м полком, а потом послан произвести глубокую разведку в разные стороны. Лично сам я с разведчиками доехал до Никольского поселка, где мне удалось захватить приказ и воззвание Осипова против советской власти. Эти документы я передал тов. Колузаеву. В поселке по моей инициативе было устроено собрание, на котором постановлено было встать на защиту советской власти. С этим постановлением со мной были высланы делегаты временному революционному совету Железнодорожного района.

Вот, товарищи, в кратких чертах моя революционная деятельность. Отсюда Вы можете судить, что я за человек. Теперь, после всей этой работы, моими врагами, которых я нажил себе за этот период времени, на меня брошен целый ряд обвинений. Я был арестован 13 марта 1919 г. Меня обвиняют в том, что я автономист и принимал деятельное участие в проведении ее в жизнь. Я собирал подписку о признании автономной власти среди населения. Из моего доклада видно, каков я был автономист. На меня было обращено внимание, а почему-то товарищи-социалисты не замечают, что ярый автономист заделался председателем и членом партии коммунистов-большевиков. Что же касается отобрания подписки, встаньте, товарищи, каждый на мое место, и что вы станете делать? На меня сыплют обвинения, что я собирал мусульман для организации белой гвардии, вел знакомства с какими-то офицерами, которых представили мне целый список, брал взятки, указывая даже цифру в 30 000 руб. и 17 000 руб. Все это гнусная ложь, ни на чем не основанная. Даже мои обвинители не могут представить никаких данных. Если бы я хотел нажить деньги, это я мог бы с успехом сделать, когда я преследовал в Мерве кишмишовочников. Меня обвиняют в том, что я вел знакомства с Ходжи-Мар-Ишаном²². Но я с ним и не мог не знакомиться, так как он среди ишанов первый признал советскую власть, и когда настал голод и массы рабочих-мусульман стали умирать, он первый открыл общественные столовые на собственные средства и кормил ежедневно около 2000 человек. Занимая должность председателя мусовдепа, я не мог не искать с ним знакомства. Андижанский мусовдеп реквизировал для своих нужд лошадь и 4 ковра у буржуазии и приписали мне единолично. В это время я в мусовдепе не состоял, а был на Закаспийском фронте товарищем председателя штаба. Наконец, самое низкое и подлое обвинение было мне брошено в том, что я доставлял разбойнику Мадаминбеку оружие и патроны. Считаю необходимым остановиться на этом обвинении. Как я указывал, за сторонниками и инициаторами автономии было установлено наблюдение и им всюду оказывалось противодействие, а впоследствии предстоял арест андижанских контрреволюционеров. Все это привело к тому, что у меня явилось много врагов, которые, не останавливаясь ни перед чем, старались избавиться от меня. Некоторые данные заставляют предполагать, что контрреволюционеры, спасая свою шкуру, пошли в соглашение с Мадаминбеком, с которым, нет никакого сомнения, они

имели связь, чтобы кто-либо из шайки сдался в плен и при допросе показал, что оружие и патроны доставляет им Бапишев. Этим способом спасаются как и они сами, так и их общие планы. За это предположение говорит следующее: при допросе этот военнопленный показал, что поставщиком является Бапишев. Но ведь один Бапишев доставить полную амуницию не был в состоянии. Стало быть, были и другие поставщики. Почему же военнопленный не показал других поставщиков? Пленный же под Карасу показывает, что в числе отряда действительно против разбойников они видели среди членов мусовдепа и меня, и хотели нас всех перестрелять, но что это не удалось. Все газеты говорят о том, что Мадаминбек расстреливает всех советских работников. Мог ли я иметь связь, занимая посты: председателя Андижанского совдепа, во время кокандских событий члена временного революционного комитета, товарища председателя штаба Закаспийского фронта, председателя Военно-полевого суда Закаспийского фронта и уполномоченного по организации мусульманской Красной армии? Будучи этим уполномоченным, я собрал в Фергане для фронта 750 боеспособных лошадей, которые, конечно, пригодились бы разбойникам. Здесь я прошу вас, товарищи, обратить внимание на одно обстоятельство, с первого взгляда кажущееся ничтожным. Заведомо известно, что Мадаминбек разбойничал и раньше, а областной совет допустил его на должность начальника милиции в Старом Маргелане. Уж не со специальной ли целью дать ему возможность вооружиться? Всего этого материала, мне кажется, будет достаточно для того, чтобы вы могли иметь правильное понятие обо мне и моей работе. Со своей стороны, я скажу следующее: в то время, когда мировой пожар революции разгорается все больше и больше, когда монархисты во главе с генералом Колчаком наступают в Сибири, с одной стороны, а с другой — подходит английский империализм в союзе с асхабадскими белогвардейскими бандами я как сын пролетария сам пролетарий никогда не буду панисламистом, а тем более не присоединюсь к разбойникам, которые играют в руку белогвардейцев. Мне кажется, что штаб 20-тысячной армии Закаспийского фронта знал и давал себе полный отчет в том, кого он уполномочивает вести самое важное дело — организацию армии. Несмотря на это, наше ташкентское правительство приняло на веру и во внимание явно ложные доносы бывших членов Кокандского автономного правительства, которое проливало пролетарскую кровь. Меня оторвали от работы, которую на меня возложил фронт, и лишили свободы. В настоящем я обращаюсь к вам, избранники трудовой бедноты, скажите ваше компетентное слово, и кто окажется виновным, накажите его по заслугам. Взгляните на окружающую вас жизнь, вдумайтесь в создавшееся у нас положение. Мы постепенно приходим в тупик, из которого не видно выхода. Что дали мы партийным людям, вошли ли в их положение, облегчили ли им работу? Нет, мы ничего им не дали. Мы дошли до того, что всячески их угнетаем, таскаем по тюрьмам и никому нет дела до них. Мы, партийные, даже не интересуемся, за что они сидят и в каких условиях. Широкие пролетарские массы, благодаря этому, боятся к нам присоединиться. Пора кончить с этим, ибо это приведет нас к гибели: правда, может быть среди нас есть контрреволюционный элемент, который дезорганизует работу партии. Он все усилия употребляет к тому, чтобы привести к краху советскую власть. И наш священный долг во что бы то ни стало раскрыть этих контрреволюционеров и изолировать от пролетариата. К вам в особенности, представители сознательного пролетариата бедноты, я обращаюсь. Помните, что мы родились здесь и умрем в Туркестане, и если вам дороги интересы мусульманской бедноты и завоевания революции, вы должны встать на защиту молодой туркестанской революции против ее врагов. Товарищи, вы стоите перед грозным призраком английского капитала. Как вам уже известно, в Турции английский капитал в союзе с турецким уничтожил весь мусульманский пролетариат. Имея громадные количества этих проклятых денег, они купили несознательное арабское население и разбили всю Турцию. Таким образом, воспользовавшись темнотою масс, они достигли своих вожделенных целей. Такова политика английского капитала. Если туркестанские капиталисты вступят в союз с английскими и против этого мы не будем принимать мер, то мы очутимся в таком же положении, как и Турция. Пора нам проснуться, объединившись с европейским пролетариатом, тесными и дружными рядами, рука об руку встать на защиту советской власти и разрушить планы капиталистов.

Товарищи, в своей искренней и безыскусной исповеди я старался в общих чертах изобразить вам главные этапы моей жизни. Вы видели, что на мою долю выпало мало радостей; моя жизнь полна тревог, лишений и горя. Поэтому, поверьте мне, что мне и смерть не страшна.

Обидно лишь то, что представители пролетариата, за который я отдал всего себя, впадают в ошибку, введены в заблуждение.

Обидно и больно, что, чувствуя теперь возможность принести посильную пользу народу, я, скомпрометированный без всякой вины с моей стороны, отброшен от любимого дела и лишен возможности на общей трудовой ниве положить свой скромный труд.

В развитие и разъяснение вышеизложенного считаю необходимым сказать следующее:

Как стало мне известно, в моем деле, ныне находящемся в военно-революционном трибунале Турквойск, имеется какое-то письмо Мадаминбека, якобы вполне или хотя отчасти доказывающее мою причастность к возводимому на меня преступлению.

По этому поводу считаю должным дать некоторые объяснения: 7 июля 1918 г. я был избран председателем Андижанского мусовдепа. 10 или 11 того же июля мне пришлось ехать в гор. Ташкент на краевой съезд председателей совдепов. Следовательно, председателем мусовдепа я фактически был всего три дня. Можно ли за такой короткий промежуток времени сделать столько преступлений, как это стараются показать мои враги, всего трудового народа?

14 июля 1918 г. съезд председателей совдепов Туркестанской республики открылся, и я прямо со съезда был избран товарищем председателя Военно-политического штаба Закаспийского фронта. На фронте я был занят вплоть до моего ареста. В Андижане ответственных или иных постов я более не занимал. Отсюда можно судить, как мог ухитриться сдать оружие, находясь в противоположном конце от Ферганы.

Всему этому объяснения найти не трудно, как только я начал организовывать мусульманскую бедноту, андижанские капиталисты всполошились и прибегли к излюбленному способу. Мне была предложена крупная сумма денег с тем, чтобы я совсем покинул пределы России. Я, конечно, ответил категорическим отказом, считая, что это было бы предательством в отношении к несчастному туземцу-пролетариату. В связи со всей этой историей произошел расстрел известного миллионера Мир-Камиля Мир-Муминбаева. После этого партия Мир-Камиля открыла против меня определенную кампанию.

Попутно надо отметить, что партия эта в прошлом году имела тесную связь с изменником Осиповым и с Мадаминбеком, имея конечной целью выступление против советской власти.

Эта гнусная затея мною была раскрыта с помощью 267 партийных товарищей-мусульман города Андижана. При встрече на станции Урсатьевской с гг. Ивановым (командующим Закаспийского фронта) и Паскудиным²³ я сделал им по сему предмету доклад. Они срочно телеграфировали председателю ТурЦИКа покойному тов. Вотинцеву²⁴, прося немедленно принять меры и принять соответствующие меры по существу моего доклада. По приезде моем в Ташкент состоялось экстренное объединенное собрание президиумов ТурЦИКа, Совкома и Реввоенсовета с представителем Закаспийского фронта, где и было постановлено немедленно арестовать всех лиц, указанных в моем докладе.

И даже в дни январских событий я арестовал двух шпионов, приехавших от андижанских белогвардейцев для установления связи с Осиповым.

Где же теперь протокол означенного объединенного собрания?

Прошу, товарищи, обратить на это внимание. Что же касается двух задержанных мною шпионов, то само собою разумеется, они успели примазаться к власти и, занимая ответственные посты у нас, продолжают работать рука об руку с белогвардейцами, Мадаминбеком и другими.

Видя во мне заклятого врага, белогвардейцы эти, спасая свою шкуру, хотят во что бы то ни стало отделаться от меня. Результатом этого и является гнусное обвинение, брошенное в меня изолгавшимися бывшими угнетателями пролетариата — баями и приспешниками буржуазии: хлопковыми комиссионерами, буржуазными маклерами, бывшими чиновниками-переводчиками и т.д. Члены автономного Кокандского правительства, они хотят свои позорные ярлыки приклеить на меня.

Напоминаю вам, товарищи, что когда в октябре 1917 г. пролетариат взял власть в свои руки, буржуазия открыто говорила о кратковременности советской власти и беспощадных репрессиях по отношению к тем, кто идет с нею. Однако я не испугался угроз и вместе с европейскими товарищами ст. Серово Среднеазиатской железной дороги пошел против кокандских автономистов, попал к ним в плен и едва спасся. Где же в то время были те, кто теперь обвиняет меня, и которые ныне называют себя социалистами и коммунистами? Пусть они скажут, чем они тогда занимались?

Как только подобные элементы встали у власти в Андижане, одно за другим стали расти белогвардейские восстания. Образовался Ферганский фронт и, конечно, плодом их трудов было восстание джалал-абадских белогвардейских банд. Знаменательно, что один из этой «стаи славной», главный мой обвинитель — Келвинбаев, занявший ответственный советский пост, оказался белогвардейским шпионом. У него нашли белогвардейский мандат, по приговору Ферганского фронтового военно-полевого суда он расстрелян. Недалеко от него по порядочности ушли и другие члены этой группы. Например, политический агент Ферганского фронта некий Ходжаев — бывший старший полицейский г. Андижана. Во время кокандских событий он командовал отрядом войск автономного правительства. После событий было отдано распоряжение его арестовать, но он успел скрыться и ныне уже, как сказано, примазался к Красной армии.

Когда я был председателем Андижанского мусовдепа, во всем Андижанском уезде не было ни одного вооруженного белогвардейца или разбойника.

Когда идет классовая борьба, враги пролетариата обычно не стесняются в средствах и приемах борьбы. Где можно, они выступают с оружием, где нельзя — они прибегают к клевете и провокациям. Для них война лишь цель — уменьшить строй советских работников.

Одной из жертв агентов контрреволюции стал и я. Прошу, товарищи, обратить внимание на мои слова.

Я могу дать еще целый ряд весьма важных показаний, но по некоторым политическим соображениям не могу изложить этого на бумаге. Если угодно, разрешить мне сделать дополнительный устный доклад.

Для подтверждения правильности моих объяснений прошу допросить следующих товарищей:

Бывшего командующего Закаспийским фронтом тов. Иванова и председателя Реввоенсовета Закаспийского фронта товарища Паскуцкого для подтверждения моего доклада о положении Ферганы.

Также прошу из андижанских допросить тт. Кладухина, Урупина, Шалаева и Ахмеджана аксакала Ахундова; адрес первых троих: комитет РКП Андижанской группы, последний — русской части г. Андижана, по Курапаткинской ул., собственный дом. Из Ташкента — тт. Казарина²⁵, Рубцова²⁶, Безуглова, Куприянова и Петрищева²⁷, адрес их — комитет партии Ташкентской организации. Из Самарканда — тт. Джурабаева и Беженцева, адрес Самаркандского обисполкома. Тов. Заболотникова, живущ[его в] Троицком селении, тов. Хвастинова, живущ[его в] селении Чинязь той же вол[ости] Ташкентского уезда.

Они могут подтвердить мои революционные работы и части обстоятельств, касающихся моего дела.

У. Бапишев

РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 312. Л. 38–46. Подлинник.

¹ Социалисты-революционеры.

² Точнее, Алкагул.

³ Возможно, Бабаев Ашир-Баба-Ахмед — купец, владелец кожевенного предприятия в Ташкенте.

⁴ Или Обуховской.

⁵ Савинков Никифор Прокофьевич — коммерсант, совладелец сантонинного завода в Чикменте.

⁶ Никитин К.С. — владелец пивоваренного завода в г. Семипалатинск.

⁷ Пфаф Э.Ю. — купец 2-й гильдии, владелец пивоваренного завода в Ревеле.

⁸ Точнее, «А. Якоби и А.К. Зоргаген»; Якоби Альберт и Зоргаген Александр Карлович — подданные Великобритании, купцы, владельцы Луганской суконной фабрики.

⁹ «Репман и Руст» — торговый дом (г. Баку), занимался экспортом сельскохозяйственных продуктов.

¹⁰ Гейер Иван Иванович (1860–1907) — журналист, статистик, редактор газеты «Русский Туркестан».

¹¹ Под редакцией И.И. Гейера выходили газеты «Окраина» (Самарканд, Ташкент) (1894–1898 гг.), «Русский Туркестан» (1898–1907 гг.). Скорее всего, речь идет о «Русском Туркестане».

¹² Полторацкий Павел Герасимович (1888–1918) — большевик, с марта 1917 г. председатель Новобухарского совета, комиссар труда Туркестанского совнаркома (1918 г.). Расстрелян поручиком Трусовским, который затем проживал в Кабуле, приняв ислам.

¹³ Ташходжаев Садулла — большевик.

¹⁴ I Чрезвычайный съезд рабочих и солдатских депутатов-мусульман Туркестана открылся 26 декабря 1917 г. в Коканде. 30 декабря съезд принял резолюцию в поддержку Кокандского правительства.

¹⁵ Заболотников Александр Степанович — левый эсер, член ТуркЦИКа (1918 г.).

¹⁶ Панасюк А.И. — левый эсер, председатель президиума штаба Закаспийского фронта (октябрь — декабрь 1918 г.), в начале 1919 г. председатель РВС Туркестанской республики.

¹⁷ Феоктистов М.С. — большевик (1918 г.), начальник культурно-просветительского отдела при РВС Туркестанского фронта (1919 г.).

¹⁸ Бухаренко Иван Васильевич (1890–?) — прапорщик, член РКП(б) с 1919 г., член Военно-политического штаба, созданного в июле 1918 г. в Чарджуе, затем начальник управления тылом Закаспийского фронта (1919 г.).

¹⁹ Алесковский Б.Н. — коммунист, делегат 7-го Чрезвычайного съезда Советов ТССР, начальник агитационно-организационного отдела при РВС Туркестанского фронта (1919 г.).

²⁰ Отсутствует в архивном деле.

²¹ Иванов Борис Николаевич (1887–1938) — командующий Закаспийским фронтом (июль 1918 г. — май 1919 г.).

²² По другим данным, Ходжи-Мат-Ишан — религиозный деятель, идейный вдохновитель повстанческого движения против советской власти, но затем признал ее, что сыграло важнейшую роль в прекращении басмачества.

²³ Точнее, Паскуцкий Николай Антонович — председатель президиума штаба Закаспийского фронта (январь — апрель 1919 г.), председатель РВС Закаспийского фронта (апрель — ноябрь 1919 г.).

²⁴ Вотинцев Всеволод Дмитриевич (1892–1919) — большевик, с августа 1918 г. председатель Ташкентского совета, с октября 1918 г. председатель ТуркЦИКа, член ЦК КПТ. Погиб во время антисоветского выступления в Ташкенте в январе 1919 г.

²⁵ Казарин Н. — член Военного совета партизанского отряда, действовавшего в 1919 г. в Семиречье. Или Казаринов Илья Федорович — большевик с 1917 г., член РВС Актюбинского фронта (1919 г.), член Крайкома КПТ (1919 г.).

²⁶ Рубцов С.З. — большевик, член Ташкентского совета (1919 г.), член временного Военно-революционного совета ТССР (январь 1919 г.).

²⁷ Возможно, Петрищев Александр Евдокимович (1898–?) — служил в Красной армии с 1918 г., член КПТ с 1920 г.

№ 27

Доклад комиссара 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады Ш. Усманова¹ в Революционный комитет Ферганской области

20 января 1920 г.²

1) Как смотрит население Туркестана и вообще население Востока на советскую власть с Октябрьской революции?

Советская власть была понята населением с обратной стороны, т.е. со стороны национального угнетения.

Благодаря прибытию в Туркестан комиссии, положение Туркестана со стороны просвещения улучшилось.

Туркестанское население долгое время находилось вне всякой науки, культуры, в особенности во время правления Туркестанским краем «ханами», т.е. до завоевания его русскими.

После завоевания русскими Туркестанского края население его опять-таки находилось в темноте и под гнетом власти Николая.

После великой революции проживающие здесь армяне-дашнаки (националисты) стали угнетать и без того уже угнетенные массы, и, пользуясь именем советской власти, стали нахальными действиями позорить честь наших жен и детей, грабить мусульманское имущество и тем самым показали населению власть совета как власть грабительскую.

2) Кроме того, представители советской власти здесь, в Туркестане, не разъясняли населению значение советской власти и ее пользу, а наоборот, пользовались темнотой населения, находившегося почти 56 лет под гнетом, и продолжали угнетать его, ибо от сердца не отошло старое мнение. Так, например, часто встречал такие явления: мусульманин является с просьбой или жалобой к местной власти, но встречает со стороны лиц, стоящих у власти, оскорбления. Его заставляют ждать долгое время, не обращая на него внимания, а зачастую и просьбы их отклоняются, не рассматриваясь, между тем как европейцев немедленно удовлетворяли и отпускали.

3) Приказы тов. Ленина и тов. Троцкого³ проводились Казаковым и Комфотье в своеобразном виде, так, например, результат изданного приказа о шапках: вместо шапок убирали головы. Также благодаря их неправильной политике и предпринятых ими мер, стало стремление к проведению в жизнь приказа о хлебной монополии, даже раздавались угрозы организовать комитеты голодающих, чтобы с оружием заставить представителей власти принять эти приказы. Такой своей политикой они выпивали кровь из населения и старались доконать его.

Или же стремление советской власти к свободе, равенству и справедливости не относится к местному населению Туркестана?

Если смотреть с воинской точки зрения [на] приходившие шайки разбойников, предатель Исаметдин назначен начальником партизанского отряда, который в кишлаках и городах занимается грабежом имущества мирного населения, уже разоренного и ограбленного; если едет в кишлак для борьбы с врагами (разбойниками), то он пускает одну пулю врагам, а 24 пули мирному населению, работающему на полях. И этим принуждает мирное население бежать к разбойникам и сочувствовать им.

Благодаря таковым действиям вышеуказанные предатели и разбойники стали убивать лиц, состоящих в коммунистических партийных организациях. В прошлом году на лесном базаре, когда враг намеревался убить одного армянина, то названный предатель старался 80 партийных товарищей загнать в крепость и замучить, но со стороны власти никакого содействия вышеупомянутым партийным товарищам оказано не было.